

АҘСНЫ АҘЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA

ACADEMIA

АЦСНЫ АТЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

АДЫРРАТТАРА

№ 13

Асериа

«Агуманитартә тцаарадыррақәа»

Аредактор хада

Цьануа Зураб Цьота-иңа – афилологиятә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик, УАР ахэаанырцэтәи алахэыла

Асериа аредакциатә еилазаара

Атакзыпхыкәу аредакторцәа:

Анчабазе Иури Дырмит-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахэыла-корреспондент

Чрыгба Виачеслав Андреи-иңа – афилологиятә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Аредакциатә еилазаара алахэылацәа:

Бгажэба Олег Хэыхэыт-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Бигэаа Валери Леуард-иңа – атоурыхтә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор

Бигэаа Виачеслав Акакь-иңа – афилологиятә тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахэыла-корреспондент

Дбар Дмитри Заур-иңа – анцәахатцаратцаара адоктор

Кэагэаниа Валентин Астамыр-иңа – афилологиятә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Къецаба Вахтанг Владимир-иңа – азиндырратә тцаарадыррақәа ркандидат

Хьуиутт Цьорць – абызшәадырғы, апрофессор

Хәгба Лили Риза-иңа – афилологиятә тцаарадыррақәа рдоктор, ААР алахэыла-корреспондент

Чанба Нодар Виктор-иңа – аказаратцаара адоктор

Шьалашьаа Заур Иван-иңа – аэкономикатә тцаарадыррақәа рдоктор, апрофессор, ААР академик

Акәа
«Academia»
2023

ББК 72.4 (5Абх)
В 38

Аредактор-тыжышы – *С.О. Хацыйм*
Акыпчы иаздырхиеит: *Н.С. Барцыц, С.О. Хацыйм*

Ацсны атцаарадыррақэа ракадемия Адырратара / Аред. хада З.Ць. Цьа-
пуа. Асериа «Агуманитаргэ тцаарадыррақэа». Акэа: Academia, 2023. № 13. 255 д.

2005 шықэсазы ишыатаркуп. Шықэсык знык итыцуеит

«Адырратара» Ацсны атцаарадыррақэа ракадемия апрезидиум анапхгарала
итыцуеит

Иахкыпчыуа аматериалқэа аредакциатэ еилазаара ргэаанagara иақэымшэар-
гы калойт

Аредакция атызтып: 384900, Ацсны Ахэынткарра, Акэа ак.,
академик Марр имоаду, 9
Ател: +7(840)226 9740; +7(840) 226 6635
E-mail: akademana@mail.ru
AAP асайт: www.anra.info

ISBN: 978-5-6047909-8-4

© Ацсны атцаарадыррақэа ракадемия, 2023
© Academia, 2023

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК АБХАЗИИ

№ 13

Серия
«Гуманитарные науки»

Главный редактор

Джапуа Зураб Джотович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА, иностранный член РАН

Редакционная коллегия серии

Ответственные редакторы:

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, член-корреспондент АНА

Чирикба Вячеслав Андреевич – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Члены редколлегии:

Бгажба Олег Хухутович – доктор исторических наук, профессор, академик АНА

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, профессор

Бигуаа Вячеслав Акакиевич – доктор филологических наук, член-корреспондент АНА

Дбар Дмитрий Заурович – доктор теологии

Кеџба Вахтанг Владимирович – кандидат юридических наук

Когониа Валентин Астамурович – доктор филологических наук, профессор, академик АНА

Хагба Лили Ризовна – доктор филологических наук, член-корреспондент АНА

Хьюитт Джордж – лингвист, профессор

Чанба Нодар Викторович – доктор искусствоведения

Шалашаа Заур Иванович – доктор экономических наук, профессор, академик АНА

Сухум
«Academia»
2023

Выпускающий редактор – *С.О. Хаджим*
Выпуск подготовили: *Н.С. Барциц, С.О. Хаджим*

Вестник Академии наук Абхазии / Гл. ред. З.Д. Джапуа. Серия «Гуманитарные науки». Сухум: Academia, 2023. № 13. 255 с.

Основан в 2005 году. Выходит один раз в год.

«Вестник АНА» издается под руководством президиума Академии наук Абхазии

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редколлегии

Адрес редакции: 384 900, Республика Абхазия, г. Сухум,
ул. академика Марра, 9
Тел.: +7(840) 226 9740; +7(840) 226 6635
E-mail: akademana@mail.ru
Сайт АНА: www.anra.info

ISBN: 978-5-6047909-8-4

© Академия наук Абхазии, 2023
© Academia, 2023

BULLETIN

OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF ABKHAZIA

№ 13

Series

«Human Sciences»

Chief Editor

Dzhapua Zurab Dzhotovich – Doctor of Philologi, Professor, Academician of ASA, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the series

Responsible editors:

Anchabadze Yury Dmitrievich – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of ASA

Chirikba Viacheslav Andreevich – Doctor of Philologi, Professor, Academician of ASA

Editorial Board members:

Bgazhba Oleg Khukhutovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of ASA

Biguaa Valery Levardovich – Doctor of Historical Sciences, Professor

Biguaa Viacheslav Akakievich – Doctor of Philologi, Professor, Corresponding Member of ASA

Chanba Nodar Viktorovic – Doctor of Art History

Dbar Dmitry Zaurovich – Doctor of Theology

Hagba Lili Rizovna – Doctor of Philology, Corresponding Member of the ANA

Hewitt George – Philologist, Professor

Ketsba Vakhtang Vladimirovich – Candidate of Legal Sciences

Kogoniya Valentin Astamurovich – Doctor of Philologi, Professor, Academician of ASA

Shalashaa Zaur Ivanovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Academician of ASA

Sukhum
«Academia»

2023

The issuing editor – *S.O. Khadzhim*

The issue was prepared by *N.S. Bartsyts, S.O. Khadzhim*

Bulletin of the Academy of Sciences of Abkhazia / Ch. Ed. Z.D. Dzhapua.

A series of human sciences. Sukhum: Academia, 2023. № 13. 255 p.

Date of foundation 2005. Issued once a year

The Bulletin is published under the guidance of the Presidium of the Academy of Sciences of Abkhazia

Published materials do not necessarily reflect the views of the editorial board

Address of the editorial office: 384900, Republic of Abkhazia, Sukhum,
9 Akademika Marra str.

Tel.: +7 (840) 2269740; +7 (840) 2266635

E-mail: akademana@mail.ru

Website: www.anra.info

ISBN: 978-5-6047909-8-4

© Academy of Sciences of Abkhazia, 2023

© Academia, 2023

АЦАКЫ • СОДЕРЖАНИЕ

АБЫЗШӘАДЫРРА • ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Чирикба В.А.</i> Ахчыпсский диалект абхазского языка	11
<i>Сақания Р.Л.</i> Ахьызка аиагартә ажәаформа (апарадигма) ацсуа бызшәа- ҕы	19

АЛИТЕРАТУРАТЦААРА • ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Зантариа В.К.</i> Кавказ в художественно-философском мировосприятии Льва Толстого	34
---	----

АФОЛЬКЛОРТЦААРА • ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Гутов А.М.</i> Действие и состояние в эпосе	44
<i>Джапуа З.Д.</i> Абхазские нартские сказания в десяти томах: экскурс в исто- рию издания.	56

АТОУРЫХТЦААРА • ИСТОРИЯ

<i>Бгажба О.Х.</i> Еще раз о времени создания нартского эпоса и о его созда- телях	64
<i>Архимандрит Дорофей (Дбар).</i> Моления у крестов причерноморских ады- гов в долине реки Пшада (по данным Тэбу де Мариньи)	72
<i>Касландзия Н.В.</i> «Невеста из обез» для князя Изяслава Мстиславича. Кон- цепция уникального брачного проекта.	99

АЕТНОЛОГИА • ЭТНОЛОГИЯ

<i>Канделаки Д.А.</i> О гипотезе происхождения обряда вторичного захороне- ния в Абхазии	118
---	-----

АЕКОНОМИКА • ЭКОНОМИКА

<i>Шалашаа З.И., Багба А.Н.</i> Роль российских инвестиций в технико-техно- логической модернизации национальной экономики Абхазии	128
---	-----

АПОЛИТОЛОГИА • ПОЛИТОЛОГИЯ

Чирикба В.А. Геополитическое положение Абхазии в контексте современного миропорядка 135

АРХИВТӘ ЦШААМТӘҚӘЕИ АКЪЫЦХЪЫМТӘҚӘЕИ • АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

«Нас приветствует восставший абхазский народ...»: Газета «Красноармейский клич» (1921). Подготовка к печати, введение, комментарии А.Я. Дбар. 145

АДӘЫНТӘИ АНЦАМТӘҚӘА • ПОЛЕВЫЕ ЗАПИСИ

Цьануа З.Ць. Цычыкәа Цәыць ихәамтәкәа ркынтә 155

АРЕЦЕНЗИАҚӘА • КРИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Сангулия Э.В. Рецензия на: Р.И. Сефербеков, О.Б. Халидова. Каспийск в истории страны: к 75-летию города. Махачкала: ФГБУН ДФИЦ РАН; Изд-во АЛЕФ, 2022. 276 с. 181

АҚӘРАНЫҲӘА • ЮБИЛЕИ

Зантариа В.К. Признанный мастер пера (к 85-летию народного поэта Абхазии, академика Мушни Ласуриа) 184

Бигуаа В.Л. Путь исследователя (к 70-летию со дня рождения Ю.Д. Анчабадзе) 190

Авидзба А.Ф. Настоящее – прошлое будущего (к юбилейной дате Станислава Лакоба) 197

Бигәаа В.А. Алитературатцааә, акритик, апоет В.К. Зантәриа 70 шыкәса ихыцра 216

Шалашаа З.И. Слово о коллеге. (А.Р. Гулиа – 75 лет). 219

АЦАРАУАӘ ИХАҶСАХЪА • ПОРТРЕТ УЧЕНОГО

Цьануа З.Ць. Шоҭа Хьыҭ-ица Салакаиа игәалашәара иазкны 223

Кәагәаниа В.А. Иналукааша ацарауаә, апоет, аитагаә (В.Л. Атцариа 85 шыкәса ихыцра иазкны) 227

АШӘКӘ ҒЫЦҚӘА • НОВЫЕ КНИГИ	250
АВТОРЦӘА ИРЫЗКНЫ • СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	251
«ААР АДЫРРАҒАРА» АВТОРЦӘА РЗЫ • ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК АНА»	253

Архимандрит Дорофей (Дбар)

МОЛЕНИЯ У КРЕСТОВ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ АДЫГОВ В ДОЛИНЕ РЕКИ ПШАДА (ПО ДАННЫМ ТЭБУ ДЕ МАРИНЬИ)

Аннотация. В статье рассматривается особый религиозный обряд причерноморских адыгов (натухайцев и шапсугов) – моления у крестов, совершаемые еще в первой четверти XIX столетия в долине р. Пшада. Обряд был зафиксирован Тэбу де Мариньи (1793–1852). В начале статьи на основе дневниковых записей названного автора описаны несколько его путешествий к Черкесскому побережью Черного моря (современный берег Краснодарского края РФ), предпринятых в первой четверти XIX в. Далее речь идет обо всех имеющихся изданиях описания (или журнала) путешествий Тэбу де Мариньи, как на французском языке, так и в переводе на английский и русский, а также приводится их сравнительный анализ. Отдельно рассматриваются рисунки (гравюры) Тэбу де Мариньи, изображающие увиденное им в Черкесии. При этом внимание сосредоточено на двух рисунках, представляющих особую ценность для рассматриваемой в статье темы. В основной части статьи представлены все сведения из дневниковых записей Тэбу де Мариньи, связанные с молениями причерноморских адыгов у крестов с соответствующими пояснениями и комментариями к ним. Приведенные тут же сообщения о порядке молений причерноморских адыгов у крестов еще двух авторов XIX в. – Л. Люлье и Дж. Бэлла – позволяют обогатить аналитическую часть статьи. В завершении рассматривается информация Тэбу де Мариньи о дольменах, зафиксированных им в разных местах долины р. Пшада, и говорится о синкретизме религиозных представлений и обрядов автохтонных жителей вышеназванной местности.

Ключевые слова: моления у крестов, Тэбу де Мариньи, Черкесия, Пшада, натухайцы, шапсуги, Люлье, Джеймс Бэлл, Мерисса, Мерем, Дева Мария, зиххи, Дометин, Зихская Епархия, Никопсия.

В первой четверти XIX в. французский аристократ Жак-Виктор-Эдуард Тэбу де Мариньи (сокращенно – Тэбу де Мариньи¹, 1793–1852) совершил

¹ Имя *Taitbout de Marigny* разные авторы переводят на русский язык по-разному: *Тебу де Мариньи*, *Тэбу де Мариньи*, *Тетбу де Мариньи*, *Тэтбу де Мариньи* (Гарданов 1974: 291, 634; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002; Тетбу де Мариньи 2015 и др.). В данной нашей работе мы используем *Тэбу де Мариньи*.

несколько путешествий к Черкесскому побережью Черного моря (современный берег Краснодарского края РФ).

Из дневниковых записей Тэбу де Мариньи (см. ниже) мы узнаем, что 29 апреля 1818 г., находясь на русской службе, он вместе с итальянским коммерсантом Рафаэлем Скасси² отплыл на специально построенном легком судне «Черкес» из Алушты в Геленджик. В место назначения прибыл 2 мая. Здесь его судно простояло до 16 мая, а затем он отплыл к устью р. Пшада³, откуда в конце мая возвратился в Керчь (Крым). Через месяц Тэбу де Мариньи снова повторил этот путь: 1 июля 1818 г. он был в Геленджике, 11 июля – в устье р. Пшада, 16 июля отплыл из Пшады и через шесть дней, 22 июля, вернулся в Феодосию (Крым).

Целью этих поездок было установление дружественных отношений с причерноморскими адыгами (натухайцами и шапсугами) для ведения и развития выгодной торговли.

В январе 1821 г. король Нидерландов назначил Тэбу де Мариньи вице-консулом портов Черного моря. Весной того же года два брига «Тереза» и «Тритон» (оба судна принадлежали Брюггскому торговому дому Деле-

² См.: Гарданов 1974: 291–292; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: 5–10.

³ Пшада или Пшат – одна из наиболее крупных рек северо-западного побережья Черного моря. Река длиной около 35 км, она впадает в море у современного с. Криница Краснодарского края РФ. Существует и одноименный поселок (Пшада) в долине, в 12 км от устья названной реки. Название реки фиксируется европейскими путешественниками и другими авторами в первой пол. XIX в., правда, топоним при этом имеет разные формы написания. В описании путешествий Тэбу де Мариньи название реки или долины дается «Пшиат (Pchiat, Pchiate)» (*Voyage en Circassie 1821: 61, 125 и др.*). Хан-Гирей называет реку «Пшад», Дюбуа де Монпере – «Пшад (Pchade)», Дж. Бэлл – «Пшат (Pshat)», Л. Люлье – «Пшад» (*Хан-Гирей 1978: 81; Dubois de Montpéroux 1839: 105 и др.; Bell 1840, vol. 1: 80–81 и др.; Люлье 1862: 133*). Относительно этимологии этого топонима у исследователей нет единого мнения. Его выводят и от адыгского «пшъадэ» (место, окутанное туманом), и от абхазского «(а)пшада» (безветрие) и т. д. (*Ворошилов 2007: 180–181*). Что касается коренных жителей долины р. Пшада, то по этому вопросу также нет однозначного ответа. Эта река в источниках XIX в. часто фигурирует как граница между адыгскими субэтносами натухайцев (адыг. *натхъуадж*) и шапсугов (адыг. *шапсыгъ*). До р. Пшада жили натухайцы, за рекой в южном направлении – шапсуги. При этом, как отмечают исследователи, от Цемесской бухты до р. Пшада жили и шапсуги, называемые в официальной переписке «шапсугскими натухайцами» (*Люлье 1857: 227–237; Земля адыгов 2004: 96, 429, 721–722 и др.*). Любопытно сообщение Л. Люлье, который в одной из работ отмечал, что некогда в долине Цемез (или Цемес), примыкающей к бухте Суджук-Кале (у совр. Новороссийска), и вдоль берегов Черного моря до Пшады жили «жанеевцы», которые оттуда перешли на северный склон гор и окончательно поселились на Адекуме (*Люлье 1857а: 185; Земля адыгов 2004: 726*). По данным Хан-Гирея численность шапсугов к 1836 г. составляла 64 500 человек, натухайцев – 40 500 (*Хан-Гирей 1978: 86*).

склюз) с Тэбу де Мариньи на борту вышли из Остенде (нидерл. Oostende, совр. Бельгия) и взяли курс к Черному морю. В связи с Греческим восстанием 1821 г. судам пришлось пережить в Эгейском море восемнадцать месяцев. В марте 1823 г. Тэбу де Мариньи вошел в Черное море на бригах «Тритон» и «Маленький Август». В конце того же месяца оба брига встали на якорь в Феодосии (Крым). В апреле 1823 г. Тэбу де Мариньи на бриге «Маленький Август» направился к берегам Черкесии. Бриг бросил якорь в Анапе. В начале июня 1823 г. он отплыл из Анапы и вернулся в порт Феодосии.

В начале июля 1823 г. Тэбу де Мариньи на бриге «Маленький Август» направился в Трапезунд (совр. Трабзон, Турция). На обратном пути, в августе, он вновь посетил Пшаду и Анапу. 30 сентября 1823 г. Тэбу де Мариньи в очередной раз вернулся в Феодосию. Весной 1824 г. он снова отправляется в Анапу, но на этот раз по суше. В августе того же года он возвращается в Феодосию на попутных судах.

Описание (или журнал) путешествия в Черкесию в 1818 г. Тэбу де Мариньи опубликовал впервые на французском языке в 1821 г. в Брюсселе (*Voyage en Circassie 1821*)⁴. В 1829 г. эту работу в Париже переиздал, снабдив примечаниями, Генрих Юлиус Клапрот (1783–1835) во втором томе «Путешествия в астраханские и кавказские степи» графа Яна Потоцкого (1761–1815) (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 249–363*). Третье издание (также на французском языке) с описанием путешествий 1818 и 1823–1824 годов вышло в 1836 г. в Одессе и Симферополе (*Voyages en Circassie 1836*).

На титульной странице третьего издания имеется следующее примечание: «Эти путешествия напечатаны в отсутствие автора, издание содержит ошибки различного рода; главные из которых отмечены на листе опечаток, которые читатель должен исправить (ознакомиться. – о. Дорофей), прежде чем начать читать книгу» (*Voyages en Circassie 1836: 3*).

Четвертое издание работы Тэбу де Мариньи (также с описанием его путешествий 1818 и 1823–1824 гг.) в переводе на английский язык вышло в 1837 г. в Лондоне (*Three Voyages in the Black Sea 1837*).

В предисловии к английскому изданию отмечалось: «Под покровом этой сомнительной апологии (имеется в виду вышеприведенное примечание к третьему изданию. – о. Дорофей) российский редактор, действующий под правительственной цензурой, без которой никакое издание не может появ-

⁴ Само издание оказалось для нас недоступным. Однако в нашем распоряжении оказались все рисунки (гравюры) из него.

виться в России, опустил некоторые важные авторские пассажи и добавил другие, надиктованные российскими властями. Пропуски были направлены в Англию вместе с копией русского издания, в котором были помечены вставки российских властей» (*Three Voyages in the Black Sea 1837: VI; Тэбу де Мариньи 2015: 5*).

Таким образом, в английском издании в скобках были даны не только фрагменты, добавленные в текст русского издания «Путешествий» Тэбу де Мариньи, но и те, что были вымараны из него. Поскольку только при третьем издании работы Тэбу де Мариньи (Одесса – Симферополь, 1836 г.) в нее было включено описание путешествия названного автора 1823–1824 гг., то с учетом вышеизложенного обстоятельства издание в переводе на английский приобретает даже большую ценность, чем оригинальный текст.

В 1974 г. в сборник «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.», подготовленный В. Гардановым, был включен первый русский перевод небольших отрывков из описаний путешествий Тэбу де Мариньи в Черкесию в 1818 и 1823–1824 гг. (*Гарданов 1974: 292–321*). Перевод был сделан А.И. Петровым по тексту вышеупомянутого третьего издания «Путешествий» Тэбу де Мариньи (Одесса – Симферополь, 1836 г.).

В 2002 г. в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп» (раздел «История», вып. 8), издаваемой в Нальчике, вышли описания путешествий Тэбу де Мариньи и Фредерика Дюбуа де Монпере (*Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002*). Перевод «Путешествия в Черкесию» (1818 г.) Тэбу де Мариньи в этом издании был выполнен по французскому тексту, помещенному, как мы уже отметили выше, Клапротом во втором томе «Путешествия в астраханские и кавказские степи» графа Яна Потоцкого (Париж, 1829 г.). Единственный недостаток этого перевода в том, что в него не вошел французско-натухайский словарь из 135 слов и выражений.

В 2015 г. в Санкт-Петербурге вышел перевод на русский язык четвертого – английского – издания «Путешествий в Черкесию» Тэбу де Мариньи с незначительными примечаниями переводчика (*Тэбу де Мариньи 2015*).

Относительно вышеуказанных переводов описания путешествий Тэбу де Мариньи на русский язык необходимо сделать несколько общих замечаний. Во-первых, эти переводы разнятся между собой. Во-вторых, авторы переводов во многих местах допустили вольности по сравнению с оригинальным текстом. Чтобы уточнить эти моменты, приходилось нужные нам фрагменты переводов «Путешествий в Черкесию» Тэбу де Мариньи сверять с текстом оригинального издания. Это обстоятельство нужно учитывать и авторам, которые и впредь будут пользоваться переводами работы Тэбу де Мариньи.

«Дневники путешествий Тебу де Мариньи, – отмечает В. Гарданов, – содержат разнообразный материал по этнографии причерноморских адыгов, ценность которого определяется главным образом тем, что он основан на непосредственных личных впечатлениях автора. И хотя Тебу де Мариньи совершал свои путешествия преимущественно с коммерческими и политическими целями, он уделял большое внимание не только хозяйственному и общественно-политическому строю черкесов, но и их общественному и семейному быту, религиозным верованиям и духовной культуре. По всем этим вопросам читатель его дневников найдет по большей части свежий и оригинальный материал» (Гарданов 1974: 292).

К сказанному добавим, что в описании путешествий Тэбу де Мариньи мы встречаем также очень важные сведения об археологических находках на территории причерноморских адыгов в начале XIX в. Причем сам Тэбу де Мариньи с двумя спутниками производил раскопки могильника на вершине одной из гор в районе Пшада 14 июля 1818 г. (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 343–344; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: 70*).

Рисунки Тэбу де Мариньи

Тэбу де Мариньи оставил нам замечательные рисунки (гравюры), изображающие увиденное им в Черкесии и выполненные в технике халкографии. В описании своих путешествий он сообщает, что сделал рисунок деревянной гробницы одного из местных князей, а также заинтересовавшего его небольшого зернохранилища «par le moyen dont on se sert pour empêcher les rats ou autres animaux rongeurs d'y pénétrer» (*Voyages en Circassie 1836: 207; Тетбу де Мариньи 2015: 84*)⁵.

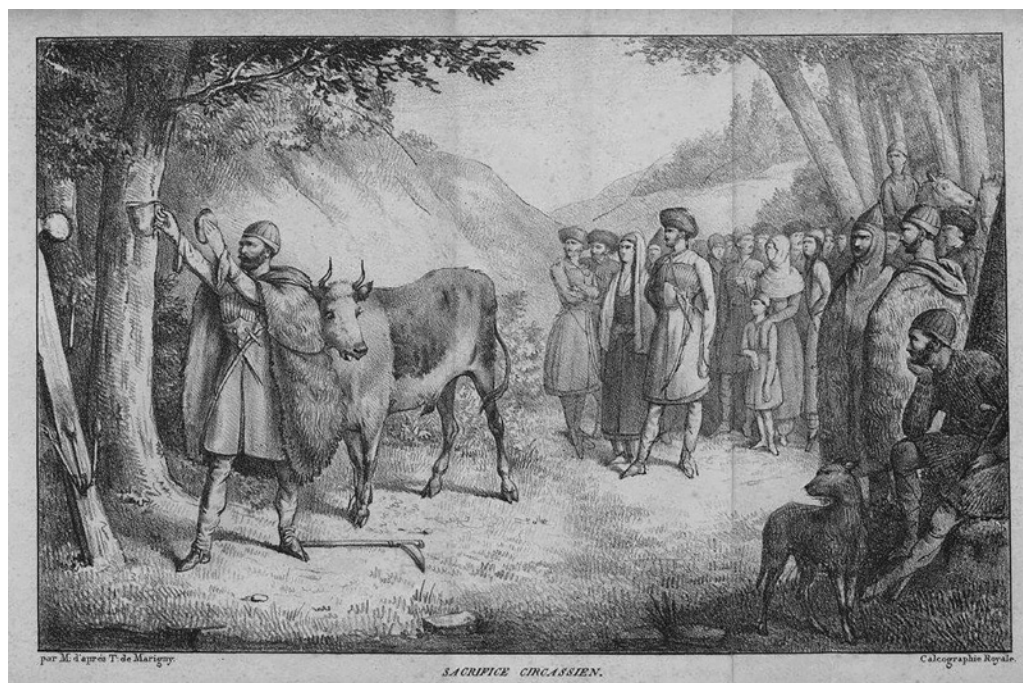
В первом издании «Путешествия в Черкесию», вышедшем в 1821 г. в Брюсселе, было опубликовано тринадцать рисунков (гравюр) Тэбу де Мариньи (*Voyage en Circassie 1821: 22, 24, 35, 36, 40, 61, 85, 125, 131*). В третьем издании (Одесса – Симферополь, 1836 г.) – четыре других его рисунка (*Voyages en Circassie 1836: 42, 64, 162, 206*).

В фондах Государственного исторического музея в Москве хранятся семь рисунков (гравюр) Тэбу де Мариньи (инв. №№ ДК 3085–3091), которые, судя по всему, были вырезаны из книги этого автора. Все они выложены в свободном доступе в интернете⁶.

⁵ Рисунок убеждает, что это действительно очень интересная постройка (см. *Voyages en Circassie 1836: 206*).

Обратим внимание на два рисунка Тэбу де Мариньи, представляющих особую ценность для рассматриваемой нами темы. На них запечатлены религиозные обряды, которые совершались причерноморскими адыгами (натухайцами либо шапсугами) у крестов, стоявших в «сакральном (священном) лесу» в долине р. Пшада (или Пшат). Безусловно, надо учитывать, что рисунки эти создавали по памяти, соответственно, многие детали, запечатленные на них, могут носить условный характер.

На первом рисунке, подписанном «Sacrifice Circassien (Черкесское жертвоприношение)», мы видим обряд моления у креста (ил. 1) (*Voyage en Circassie 1821: 125*)⁷, который был зафиксирован и в дневниковых записях Тэбу де Мариньи (см. ниже).

Иллюстр. 1. Черкесское жертвоприношение. Гравюра. 1821 г.

Крест⁸ с тремя лепестками в верхней части (виден наполовину) в высоту выше человеческого роста, расположен под сенью дерева. Он вбит (в

⁶ Электронный каталог Государственного исторического музея в Москве, раздел «Экспонаты»: <https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ/5974978>

⁷ В общем списке иллюстраций, опубликованном в качестве приложения к первому изданию описаний путешествий Тэбу де Мариньи (Брюссель, 1821 г.), к рассматриваемому нами рисунку дается следующее пояснение: «Ткharchi, sacrifice circassien un bois sacré (Тхапши, черкесское жертвоприношение в сакральном лесу)». Как мы узнаем из дневни-

наклонном положении) в землю. У подножия креста виден закрепленный на самом кресте трехсвечник (очевидно металлический) с тремя вставленными в него зажженными свечами. Перед крестом – фигура человека (совершителя моления) в характерном для XVIII–XIX вв. черкесском одеянии с подвешенными за поясом кинжалом и саблей, в бурке и головном уборе (хотя, описывая этот обряд, Тэбу де Мариньи отмечал, что совершитель молитвы должен быть с непокрытой головой, см. ниже). Воздевая руки к кресту, в правой руке этот человек держит чашу, имеющую вид большой кружки с одной ручкой, а в левой – хлеб. За фигурой совершителя моления виднеется животное (бык), которому и предстоит быть принесенным в

ковых записей Тэбу де Мариньи (см. ниже), «Ткharchi (Тхапши)» – это название пиршества (моления), которое совершалось у креста и сопровождалось церемонией подношения даров и закалывания жертвенных животных. По сообщению Л. Люлье, моления причерноморских адыгов у крестов имели общее наименование – «Тгаха» (*Люлье 1862: 130*).

⁸ По словам Л. Люлье, кресты, перед которыми причерноморские адыги (натухайцы и шапсуги) совершали моления, были дубовыми, «простой отделки и без украшений» (*Люлье 1862: 129*). Здесь же отметим, что описание молений у крестов, изложенное в работе Л. Люлье, требует к себе особого внимания, поскольку автор был их непосредственным участником.

Джеймс Бэлл (1798–1858) в дневниковых записях о пребывании в Черкесии сообщает, что в населенном пункте в районе Джубги, так же, как и в некоторых аналогичных поселениях других частей Черкесского побережья Черного моря, он видел деревянные кресты. «Они разной формы, – продолжает названный автор, – поперечная часть в некоторых случаях находилась на верху вертикальной части, а в иных случаях – немного ниже: и в первом, и во втором случае эти части украшены резьбой. В соответствии с тем что рассказала мне эта (черкесская. – о. Дорофей) семья, культ (*worship*, почитание. – о. Дорофей) этих крестов был некогда весьма распространен и привлекал очень большое число поклонников: но спустя какое-то время его стали отправлять реже и не полностью, поскольку многие этот религиозный обряд осуждали и высмеивали. Кто мог бы сказать, до какой степени эта русская война способствовала здесь появлению у людей презрительного отношения к религии креста (*the religion of the cross*)?» (*Bell 1840, vol. 1: 75; Бэлл 2007, т. 1: 91*). Еще одно любопытное сообщение Дж. Бэлла о крестах: «Похоже, в Саше (*Sashe*) (Сочи – о. Дорофей) имеет место серьезный спор относительно снятия нескольких древних крестов (*ancient crosses*), три из которых особенно знамениты: один висит на дереве и два установленных (в отличие от других они позолоченные). Народ хочет снять их в основном из-за боязни, что они попадут в руки русских, которые могут узреть в том факте некое свое право на этот край как на исконно христианский, тогда как вождь Али Ахмет-Бей <...> протестует против осквернения, к которому может привести перемещение реликвий веры предков (*relics of their forefathers*). Ахмет предпочитает защищать их там, где они находятся, и требует <...> оставить их в неприкосновенности» (*Bell 1840, vol. 2: 24, 58–59; Бэлл 2007, т. 2: 19, 47*). Дж. Бэлл также оставил нам и замечательные рисунки увиденного им в Черкесии. На двух из этих рисунков видны кресты. На первом рисунке виден крест, висящий на дереве в Саше (Сочи), а на втором – большой каменный крест с надписью из долины Суква (*Bell 1840, vol. 2: 58, 254*).

жертву. Перед этим жертвенным животным на земле лежит инструмент, похожий на серп. За жертвенным животным видны фигуры людей (мужчины, женщины, дети), все они также в характерных для XVIII–XIX вв. черкесских одеяниях и все в головных уборах. Мужчины (за исключением двух фигур справа) без бурок. Все эти люди (за исключением крайней фигуры справа) стоят на ногах, и лица их обращены в сторону креста.

Особо выделяются две фигуры – мужчина, стоящий слева (если мы смотрим, стоя лицом к кресту), и женщина справа. Обе эти фигуры несколько выдаются вперед относительно собравшегося народа. Очевидно, что это свидетельство для нас, что они являлись представителями местной знати. За фигурами собравшихся просматриваются головы нескольких лошадей, а на переднем плане слева – фигура домашнего животного (собаки). Последняя деталь – не случайна, и об этом мы будем говорить ниже.

На втором рисунке, подписанном «*Offrande faite à la Croix dans le bois sacré de Pchiat par M.M. Taitbout de Marigny en présence de plusieurs princes Circassiens le 28 Juillet 1818*»⁹, мы видим еще один обряд, но уже (судя по деталям рисунка) у другого креста и в другом месте, у самого берега моря (ил. 2). И этот обряд также был описан в дневниковых записях Тэбу де Мариньи (см. ниже).

На этом рисунке крест с тремя лепестками в верхней части выше человеческого роста, расположен под сенью дерева. Он вбит в землю в наклонном положении и облокачивается на ствол дерева. Подножие креста шире, чем верхняя его часть. У подножия креста не видно никакого приспособления, чтобы можно было устанавливать свечи (в отличие от того, что на первом рисунке). Перед крестом мы видим фигуру женщины в характерном для XVIII–XIX вв. черкесском одеянии (из описания Тэбу де Мариньи мы узнаем, что это изображение некой госпожи Е., см. ниже). Женщина прикрепляет к перекладине креста большой матерчатый плат (ткань). За ней видна фигура стоящего мужчины (из описания Тэбу де Мариньи мы узнаем, что это дворянин, см. ниже) – также в характерном для XVIII–XIX вв. черкесском одеянии с подвешенными за поясом кинжалом и саблей и в головном уборе. Он держит в руках еще один матерчатый плат (ткань). За мужчиной (с правой стороны) расположены фигуры еще трех черкесов (из описания Тэбу де Мариньи следует, что они также являются представителями местной знати, см. ниже) в традиционном одеянии, вооружении и головных уборах. С левой стороны – фигуры четырех иностранцев – мужчин в евро-

⁹ «Приношение Кресту в сакральном лесу Пшиат господином Тэбу де Мариньи в присутствии нескольких черкесских князей. 28 июля 1818 г.».

пейском одеянии (хорошо прорисованы их головные уборы – цилиндры). В этой группе, судя по сопроводительной подписи к данному рисунку и описанию самого обряда (см. ниже), изображена фигура и самого Тэбу де Мариньи.

Иллюстр. 2. Приношение Кресту в сакральном лесу Пшиат (Пшада).
28 июля 1818 г. Гравюра. 1821 г.

Сведения из дневниковых записей Тэбу де Мариньи

По сообщению Тэбу де Мариньи, 20 мая 1818 г. к вечеру он направился в «сакральный лес» (*un bois sacré*)¹⁰, который находился недалеко от берега в долине р. Пшат (Пшада).

«Грубо вытесанный (сделанный. – о. Дорофей) крест, – пишет Тэбу де Мариньи, – вершина которого имеет форму трилистника, освящает это ме-

¹⁰ По сообщению Л. Люлье, у причерноморских адыгов в каждой долине имелись по несколько «священных рощ и лесов» (*Люлье 1862: 129*).

сто (в оригинале *ce lieu à la religion*, т. е. религиозное место. – о. Дорофей); здесь нельзя рубить деревья или прикасаться к оставленным предметам. Это охраняемый знак христианства оставлен им их предками. Они не знают, что он означает <...>» (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 306; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: 49*)¹¹.

Далее Тэбу де Мариньи приводит услышанную от турок историю появления у причерноморских адыгов креста с трилистником. Последние утверждали, что «когда одного великого пророка собирались убить в бане, ангелы появились в оконном проеме и подали ему сигнал спастись; тогда, вытянув руку вперед, он сказал им, что его голова слишком велика, а они ему ответили, что нет; затем он последовательно показал на живот и на плечи, как на препятствия к побегу; вот эти-то его знаки и дали им форму креста» (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 306–307; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: 49–50*).

Несмотря на утверждение издателей русского перевода описаний путешествий Тэбу де Мариньи, вышедшего в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп» (Нальчик, 2002), что данное предание широко распространено среди адыгов (*Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: 80, прим. 2*), совершенно очевидно, что такое объяснение могло появиться уже значительно позже под влиянием турецких проповедников ислама на Кавказе.

«Они собираются перед ним (крестом. – о. Дорофей), – продолжает Тэбу де Мариньи, – в определенные дни года, когда отмечают торжественные празднества. Только возрасту и благородству предоставляется право проносить от имени народа молитвы, обращенные к Всемогущему. Однако священники (имеются в виду совершители молений. – о. Дорофей) не составляют у них отдельного класса. В молодости они проливают кровь за товарищей (в оригинале *prodiguer leur sang dans les combats*, т. е. проливают кровь в битвах. – о. Дорофей), и в случае приближения врага их снова призывают на военную службу (в оригинале *à l'approche de l'ennemi leurs armes les appellent encore*, т. е. приближение врага как прежде зовет

¹¹ Относительно описания путешествия Тэбу де Мариньи 1818 г., поскольку первое издание (Брюссель, 1821 г.) оказалось для нас недоступным, мы будем использовать второе издание (переиздание). Речь идет о французском тексте, помещенном Клапротом во втором томе «Путешествия в астраханские и кавказские степи» графа Яна Потоцкого (Париж, 1829 г.). Что касается перевода на русский язык, здесь и далее мы будем использовать текст, опубликованный в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп» (Нальчик, 2002 г.), с некоторыми нашими уточнениями. Перевод был выполнен по французскому тексту, изданному Клапротом (Париж, 1829 г.).

их к оружию. – о. Дорофей). Имея на себе только *бурку* (на черкесском *djako*. – прим. Клапрота), они подходят к кресту в окружении людей, хранящих глубокое молчание, и возносят молитвы Создателю, прося Его сохранить их поля, даровать обильный урожай и уберечь их от чумы» (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 306–307; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпепе 2002: 50*).

В английском издании описания путешествий Тэбу де Мариньи (Лондон, 1837 г.) имеется небольшое дополнение: люди, возглавляющие моление у креста, совершают его «with bare heads, clothed in a *Bourka* (с непокрытой головой, одетые в *бурку*)» (*Three Voyages in the Black Sea 1837: 82; Тэбу де Мариньи 2015: 37*)¹².

Из вышеприведенного отрывка следует, что люди, возглавляющие моления у причерноморских адыгов, не являлись при этом ни священниками, ни жрецами. Однако они должны были быть в почтенном возрасте и жизнь их должна быть исполнена добродетели. Содержание же молитвы – «сохранение полей, дарование обильного урожая и уберережение от чумы» – позволяет нам предположить, что описываемое Тэбу де Мариньи моление могло быть аналогичным абхазскому молению о ниспослании дождя – «Ацуныхэа», хотя с полной уверенностью утверждать этого мы не можем¹³.

«К кресту – пишет далее Тэбу де Мариньи, – привязано много небольших свечей (в оригинале *plusieurs petites bougies sont attachées*, т. е. прикреплено несколько небольших свечей. – о. Дорофей). С помощью одной из них опаляют немного шерсти быка, которого приносят в жертву, и на голову ему проливают немного *бузы* (напиток, приготовленный из ферментированного проса. – прим. Клапрота), предлагая его Богу вместе с пресным хлебом, на котором лежит сыр (в оригинале *d'un pain azyme, dans lequel il y a du fromage*, т. е. пресный хлеб, в котором есть сыр. – о. Дорофей). Обряд заканчивается пиршеством, к которому каждый житель района в зависимости от своих возможностей доставляет большой или меньший пай, и, наконец, танцами и играми» (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 307; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпепе 2002: 50*)¹⁴.

¹² Согласно Л. Люлье, старейшина, возглавлявший моление у креста, произносил громким голосом молитву, будучи в бурке, сняв головной убор и став на колени (*Люлье 1862: 129*).

¹³ По сообщению Л. Люлье, молитвы, которые произносились возглавлявшими моления у крестов старейшинами, состояли большей частью из «прошений благ земных, урожая, дождя, избавления от повальных болезней, нашествий врага и вообще всяких других бедствий» (*Люлье 1862: 129*).

Отметим, что в рисунке Тэбу де Мариньи у подножия креста виден закрепленный на самом кресте трехсвечник (очевидно металлический) и вставленные в него три зажженные свечи (ил. 1). С помощью одной из них как раз и опаливали немного шерсти животного, которое приносили в жертву¹⁵. По свидетельству самого Тэбу де Мариньи, причерноморские адыги изготавливали свечи из желтого воска¹⁶.

В английском издании описаний путешествий Тэбу де Мариньи (Лондон, 1837 г.) приводится иной порядок вышеизложенного моления у креста. В частности, старейшины, возглавляющие моления, «стоя перед крестом, начинают [обряд] с искупительной жертвы (*the propitiatory sacrifice*, т. е. умиловительной жертвы. – о. Дорофей) – овцы или козы (козла. – о. Дорофей)

¹⁴ По словам Л. Люлье, буза готовилась из проса, и после брожения в нее добавляли мед (*Люлье 1862: 130, прим. 4*). Относительно завершающей части молений у крестов Л. Люлье приводит интересные дополнительные детали. Он пишет, что пока готовилась еда, старики и старухи, взявшись за руки, делали круг и под особый напев начинали танцевать. Вскоре их сменяли молодые люди обоого пола, веселье становилось всеобщим. За танцами следовало пиршество. Кроме приготовленного мяса жертвенного животного каждое семейство обязано было принести столик, на котором лежали *паста* (круто сваренное пшено), пироги с сыром и прочее. Столики были небольшого размера – за каждым могли поместиться четыре-пять человек. Люди, подстлав ветви и листья, садились на землю, поджимая ноги под себя. Л. Люлье отмечает, что обычно садились только старшие, главы семейств. «Не случалось мне, – продолжает Л. Люлье, – видеть при этом отвратительно пьяных, хотя напитки их – мед и буза – хмельные, и при неумеренном употреблении могут довести до опьянения. Молодые люди не участвуют в пиршестве; они довольствуются остатками со столов и во время пира прислуживают старшим, разнося яства и напитки. Женщины и девушки во время пиршества составляют отдельный кружок и стараются скрыть от мужчин, что едят: девушки скорее согласятся остаться голодными, чем допустят, чтобы их увидели жующими» (*Люлье 1862: 130–131*). Еще одно наблюдение Л. Люлье. Он отмечает, что у причерноморских адыгов были также праздники (моления), в которых женщины участия не принимали, и в таких случаях не было танцев (*Люлье 1862: 131*).

¹⁵ Данное действие, согласно Л. Люлье, осуществлялось следующим образом. Возглавлявший моление у креста старейшина по завершении молитвы сразу же приступал к закланию жертвенного животного (барана, козла, коровы или быка). Он брал одну из зажженных восковых свечей, прилепленных к кресту, и натирал воском волосы на лбу у жертвы (здесь, видимо, допущена неточность, скорее всего, речь о том, что свечей выжигают часть волос на лбу животного. – о. Дорофей). Далее он возливал на голову жертвенного животного напиток (бузу) и тут же закалывал животное (*Люлье 1862: 129–130*).

¹⁶ «5 мая (1818 г.). В этот день, в воскресенье, – сообщает в своих дневниковых записях Тэбу де Мариньи, – грек Димо (*Dhimo*) попросил у меня разрешения помолиться в каюте на судне перед крестом; я охотно разрешил. Он принес несколько свечей из желтого воска, которые черкесы, как и мы, используют в религиозных обрядах, и зажег их в знак нашего искупления. С ним пришел и местный житель, который во время молитвы хранил уважительное молчание» (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 276; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: 33*).

– в очень редких случаях (*in great solemnities*, на больших торжествах. – о. Дорофей) в жертву приносят быка: перед жертвой старейшина одной из небольших свечей, прилепленных к подножию креста, сжигает немного шерсти жертвы в месте, куда будет нанесен удар, и льет бузу на голову животного. Несколько молодых людей, главным образом рабов (*slaves*), становятся за ним и держат наполненные этим напитком чаши (*cups*) и ломти пресного хлеба с сыром.

После жертвоприношения старейшина берет одну из этих чаш и хлеб и делает подношение Верховному Существо (*the Supreme Being*): затем он благословляет их и передает самому старшему члену общества, который вкушает (и пьет. – о. Дорофей) от них. Молодые люди подносят ему еще, он жертвует (подносит, посвящает. – о. Дорофей) их *Merucce* (*Merissa*), а затем передает следующему по возрасту старику. Та же церемония повторяется перед всеми божествами (для всех божеств. – о. Дорофей), к которым обращаются различные молитвы.

После завершения молитв служитель назначает по своему усмотрению день следующей встречи (собрания. – о. Дорофей), которая случается обычно раз в неделю, в субботу, воскресенье, понедельник или вторник, но никогда в остальные три дня: он также делает объявление о пропажах и находках; но о последних редко слышно, поскольку черкесы любят попридерживать их. В итоге, мясо жертвы служит для трапезы, которая дополняется провизией, принесенной каждым семейством. Церемония завершается обычно танцами, играми и скачками: голова жертвы посвящается Создателю, и навешивается на ветвь дерева или жердь на небольшом расстоянии от креста: шкура жертвы принадлежит священнику (речь идет о совершителе моления. – о. Дорофей), проводившем церемонию» (*Three Voyages in the Black Sea 1837: 82–83; Тетбу де Мариньи 2015: 37–38*)¹⁷.

¹⁷ Дж. Бэлл в дневниковых записях несколько раз говорит также о порядке совершения торжеств (*celebration*) у крестов причерноморскими адыгами. Поскольку сообщения этого автора имеют наиважнейшее значение, в том числе и для рассматриваемой нами темы, остановимся на них подробно.

Первое описание этого обряда Дж. Бэлл сделал со слов одного из русских, находившегося в плену у черкесов. По словам этого пленника, обряды у крестов проводились в воскресные дни, раз в два месяца. Собиравшиеся у креста становились на колени в непосредственной близости от креста, и каждый произносил молитву. Далее два старца (*old men*) приближались к кресту, при этом в руках они держали хлеб или пасту (круто сваренное пшено), а также напиток под названием «шуат» или «бозе» (*shuat or bosé*). Воззвав к небесному благословению хлеба и напитка, они затем распределяли их между присутствующими (*Bell 1840, vol. 1: 84–85; Бэлл 2007, т. 1: 101–102*).

Отметим, что на рисунке Тэбу де Мариньи хорошо видно, что человек, возглавляющий моления перед крестом, в правой руке держит чашу, а в левой – хлеб (ил. 1). Нет никаких сомнений, что такое действие – имитация христианской Литургии (Евхаристии), которая к моменту фиксации вышеописанного обряда уже несколько столетий не совершалась на территориях, где проживали причерноморские адыги, потомки древних христиан зихов.

Второе описание моления у креста было сделано со слов сопровождавшего Дж. Бэлла человека по имени Лука, который принимал участие в одном из таких религиозных обрядов. В тот раз на торжестве (*celebration*) у креста присутствовали около пятидесяти человек. Каждый из них был главой семейства и приносил с собой стол или столы для угощения. Кроме того, в жертву были принесены две или три козы. У головы каждого животного во время жертвоприношения горели зажженные свечи. Несколько зажженных свечей были прикреплены и к кресту. Каждый участник моления, проходя мимо креста, снимал головной убор, но приближались к кресту из числа молящихся только три или четыре человека, произносившие громкими голосами краткую молитву, в которой заключалась просьба к Божеству (*the Deity*) отвести от них войну, чуму и другие беды и ниспослать счастье и обильный урожай. Один из молящихся перед крестом держал в руке кусок (пирога), взятый с одного из принесенных столов, которые были расставлены на небольшом расстоянии от креста. Другой держал чашу, наполненную национальным напитком «шuat» (*shuat*). И то и другое после молитвы распределялось между присутствующими (*Bell 1840, vol. 2: 108; Бэлл 2007, т. 1: 79–80*).

Отметим, что сам Дж. Бэлл видел в этих молениях у крестов смешение христианских ритуалов и какого-то иного культа. Кроме того, по его словам, благожелательное отношение к этим обрядам «древней религии обнаруживается не только здесь, но и в других северных местностях, где многие люди громко заявляют, что все нынешние беды обрушились на них из-за забвения этих ритуалов» (*Bell 1840, vol. 2: 108; Бэлл 2007, т. 2: 80*).

Заметим, что переводы работы Дж. Бэлла на русский язык во многих местах страдают вольностями и содержат много неточностей, которые меняют смысл повествования. К примеру, в только что рассмотренном фрагменте, где говорится о пятидесяти участниках моления у креста, которые, согласно английскому тексту, являлись главами семейств (*each of whom who is head of a family*), в русском переводе они обозначены как «знатные люди рода». И таких примеров, к сожалению, немало.

Третье описание моления у креста было сделано на основании увиденного уже самим Дж. Бэллом, который впервые присутствовал при этом обряде. Дж. Бэлл отмечает, что моление, в котором он участвовал, насколько ему было известно, посвящалось «Шибле (*Tshiblè*)» – духу грома (*the Spirit of Thunder*), хотя и совершалось оно таким же образом, как и во время праздника креста. Итак, 22 сентября 1838 г., к полудню, он в сопровождении Индара-Оку Касполета и других мужчин оправился пешком по одной из сторон долины р. Пшат (Пшада) в дубовый лес, где уже собрались несколько старцев и около 120–130 молодых людей разного возраста (судя по тексту, речь, скорее всего, идет исключительно о мужском составе. – о. Дорофей). Пока все они спускались в долину, к ним примыкало все больше местных жителей. Некоторые несли на головах уже накрытые столы с хлебом и пастой (круто сваренное пшено). Около самого большого дерева был воздвигнут крест, к стволу того же дерева были прислонены другие уже поврежденные кресты, которые

Нет никакого сомнения, что приношение второй чаши и второго ломтя хлеба в честь «Мериссы (Mérisa)» – это приношение в честь Пресвятой Девы Марии.

когда-то были объектами поклонения, а теперь – обречены «decay's slow ravage». Перед крестом в ряд были расставлены 40 или 50 маленьких столов с хлебом и пастой. Позади дерева над огромным костром на поперечной балке висели несколько больших котлов. Недалеко от места моления были привязаны две козы, их и предполагалось принести в жертву.

Дж. Бэлл отмечает, что вокруг столов – в ожидании, что и им что-нибудь перепадет – слонялось множество собак. Отгонять их от столов поручали детям. Заострю внимание на этой детали сообщения Дж. Бэлла: если собаки слонялись в священных местах при совершении моления у крестов, стало быть, причерноморские адыги не воспринимали их в качестве «нечистых животных», которые своим присутствием могли осквернить святое место или религиозный обряд.

Во время молитвы ее совершители с непокрытыми головами просили Небо даровать им защиту и отвернуть от них и их семей молнию и все остальные беды. Сразу же после этого Дж. Бэllu предложили две большие лепешки (*cakes*), а также чашу (*bowl*) с «шуатом», напитком, как отмечает он сам, «брожения смеси ячменной муки, меда и воды». Затем последовала общая раздача еды (очевидно пирогов. – о. Дорофей) между остальными собравшимися, вплоть до самых маленьких детей, а чаша с напитком время от времени ходила по кругу, пока варилось мясо в котлах. В то же время старцы продолжали стоять все вместе в стороне, давая наказания одному молодому человеку. Затем этот молодой человек объявил остальным о предстоящих трех праздничных днях (молениях): в честь креста, во имя изобилия и для того, чтобы отвести чуму, объявил также о числе и виде жертвоприношений, положенных для каждого из этих дней (козах и бычках). Далее «главный священник» (*the chief priest*), который был в рубашке и кальсонах (*in shirt and drawers*), разрезал мясо так, чтобы на каждом столе оказались равные порции. Затем началась трапеза.

Очень важны еще несколько замечаний Дж. Бэлла. Первое, поскольку на молении присутствовали гости, т. е. сам Бэлл и сопровождавшие его лица, было разрешено исключительно для их стола принести «полдюжины восхитительных блюд», в то время как на всех остальных столах были только мясо, паста, лепешки и напиток «шуат». Второе, эти празднества происходили чаще всего именно в это время года, т. е. в сентябре. Отметим, что по церковному календарю на 8 сентября (21 сентября по старому стилю) приходится празднование Рождества Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, а на 14 сентября (27 сентября по старому стилю) – Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. И – третье, самые бедные участники моления могли уносить с собой домой небольшие порции мяса для своих семей, и это было частью религиозных предписаний (*Bell 1840, vol. 2: 116–119; Бэлл 2007, т. 2: 85–88*).

Четвертый религиозный праздник, описанный Дж. Бэллом, состоялся 1 октября 1838 г., и тоже в долине р. Пшат (Пшادا). И Дж. Белл также принимал в нем участие. Особый интерес Дж. Бэлла к этому празднику был вызван его своеобразием и тем (похоже, что своеобразие в том и заключалось), что на нем присутствовали представители обоих полов (по его словам, в молении на этот раз участвовали почти 60 женщин разного возраста). Дж. Бэлл предложил назвать этот праздник «Днем внесения младенца в храм» и нашел в нем сходство с еврейским жертвоприношением Авраама. По его словам, согласно обычаю жителей долины Пшат (Пшادا), каждый ребенок по достижении определенного возраста

Тэбу де Мариньи дает и собственное, хотя и очень запутанное объяснение происхождения термина «Мерисса». С одной стороны, он высказывает предположение, что такое название, возможно, происходит от Цереры, ко-

та должен быть представлен Богу, и ради него приносится в жертву одно животное. Местом совершения этого религиозного церемониала вновь стало одно из священных мест в Пшате (Пшаде). Посреди небольшого леса стоял крест, напротив которого находились еще несколько других поврежденных временем крестов. Перед основным крестом были расставлены столы, на которых лежали лепешки и паста. Эту еду (лепешки и пасту) принесли и положили на маленькие столы жители окрестных деревушек уже в приготовленном виде. Те, кто нес эти столы (не все), передавая их совершителю моления, снимали головные уборы и преклоняли перед крестом колени, головы склоняли почти до земли (т. е., если говорить на церковном языке, совершали большой земной поклон. – о. Дорофей). Моление началось с короткого обращения к Великому Богу (Та Схо, *Ta skho*) с просьбой даровать молящимся все Его благодати и отвести от них все беды. При произнесении этой молитвы, по словам Дж. Бэлла, «главный священник (*the chief priest*) простирал правую руку с деревянным кубком (*a wooden goblet*) той же формы, что и кубки, используемые во время службы в наших церквях». Кубок был наполнен «шуатом». В левой руке совершитель моления держал большой пирог из пресного теста (*a large cake of unleavened bread*). После этого совершитель моления передавал чашу и хлеб стоящим с ним рядом. Далее он еще пять или шесть раз поочередно принимал из рук стоящих рядом людей другие чаши, и каждый раз благословлял их (*benediction*), произнося молитву, которую за ним громко повторяли все присутствующие. При этом присутствующие стояли на коленях, расположившись в несколько рядов за спиной совершителя моления. Все они были с непокрытыми головами и в завершении каждой молитвы касались лбами земли. Причем так делали и немолодые женщины. Затем чаши с напитком «шуат» и лепешки были распределены между всеми участниками моления. Далее к кресту подвели жертвенных животных – теленка, овцу и двух коз (двое мужчин удерживали их). Совершитель моления, благословив этих животных молитвой, вылил поочередно каждому на голову напиток «шуат» из одного из кубков и прижег немного шерсти одной из восковых свеч, горевших у основания дерева, что росло за крестом. После этого жертвенных животных увели на заклание. Пока разделывали и варили мясо, совершитель моления оставался стоять перед крестом и столами, по-прежнему с обнаженной головой, с манти (накидкой) на плечах и посохом в руке (*a mantle over his shoulders, and a staff in his hand*), руководя действиями своих помощников (им предстояло поровну распределить мясо между приблизительно 60 столами). Перед тем как эти столы были поданы сидевшим по кругу на лужайке мужчинам и женщинам, над каждым из них совершитель моления совершал благословение (*benediction*). Дж. Бэлл уточняет, что количество присутствующих на этом конкретном молении могло доходить до 400 или 500 человек. Участники моления рассказали Дж. Бэлла, что в прошлом году в аналогичном собрании участвовало в пять раз больше (вероятно преувеличение. – о. Дорофей). Тогда после совершения обряда моления у креста и трапезы участники проводили время в танцах, скачках, стрельбе холостыми патронами и т. д. Однако из-за растущей тревоги и невзгод, вызванных военными действиями русских, число участников молений сократилось. Дж. Бэлл замечает, что русские военные «между прочем не были забыты в молитвах, так как служитель культа просил у Неба, чтобы они оказались “поражены слепотой” (обращаю внимание, что совершитель моления не про-

торую он представляет как покровительницу пчел, и что само имя черкесского божества «Мерисса» этимологически восходит к греческому названию пчелы «Мелисса (Mélissa)» (греч. ἡ μέλισσα. – о. Дорофей). С другой стороны, он указывает, что «те, кто посетил эту страну, называют Мериссу Святой Девой Марией (*ceux par qui ce pays a été jusqu'à présent visité, ont dé signé Mérisa par une Sainte – Vierge Marie*)» и что «Мерисса, или Мерейме, прозванная Матерью Божьей, является покровительницей пчел (*Merissa or Méréime, surnamed the Mother of God, is the protectress of bees*)» (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 308–310; Three Voyages in the Black Sea 1837: 77; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: 50–51; Тембу де Мариньи 2015: 35*). Кроме того, он сообщает, что праздник в честь «Мериссы» совершается черкесами в сентябре.

Напомню, что именно в указанный месяц христиане отмечают праздник Рождества Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии (8 сентября по новому стилю / 21 сентября по старому стилю)¹⁸. И на этот же месяц при-

сил наказать врагов смертью. – о. Дорофей)». В завершение Дж. Бэлл отдельно говорит о напитке «шуат», который, по его словам, является национальным напитком черкесов и обычно подается в огромных деревянных чашах с одной ручкой (*in immense wooden bowls with one handle*). При потреблении «шуата» такие чаши переходили из рук в руки (*Bell 1840, vol. 2: 123–127; Бэлл 2007, т. 2: 93–97*).

Сообщения Дж. Бэлла следует дополнить еще одним свидетельством Л. Люлье. По словам этого автора, тоже непосредственно участвующего в описываемом обряде, причерноморские адыги совершали процедуру моления у креста в следующей последовательности: возглавлявший моление старейшина брал в одну руку маленький «пирожок или лепешку», а в другую – наполненный бузой «деревянный точеный сосуд вроде большой рюмки» и с воздетыми к небу руками вновь молился. По окончании молитвы он подносил лепешку и чашу старшему из присутствующих, а несколько других чаш и лепешек отдавал другим участникам моления, которые потребляли их, передавая друг другу (*Люлье 1862: 130*).

¹⁸ Из описания второго путешествия Тэбу де Мариньи в Черкессию, состоявшегося в 1821–1824 гг., мы узнаем, что, покидая Нидерланды, названный автор имел желание взять с собой маленькую статуэтку Девы Марии, чтобы представить ее причерноморским адыгам под именем их «Мериссы». «Я убежден, – пишет Тэбу де Мариньи, – что христианство не должно быть представлено этим людям как иностранная религия, а как их собственная, иллюстрированная, объясненная и направляемая в сторону морали и возвышенности» (*Three Voyages in the Black Sea 1837: 177; Тембу де Мариньи 2015: 71*). Дж. Бэлл в дневниковых записях от 6 ноября 1838 г. отмечал, что этот день у причерноморских адыгов был четвертым и последним днем праздника «Мерем (*Merem*)» (Мариам, т. е. Дева Мария. – о. Дорофей). Автор подчеркивает, что вечером второго дня празднования были приготовлены «шуат» и лепешки из пресного теста. После того как один из старейшин совершил над ними благословение, каждый присутствующий получил свою долю. К полуночи Дж. Бэлл был разбужен оглушительной музыкой. Выглянув из окна, он увидел сотни мужчин и детей на лужайке в деревушке. Самые молодые из них при свете луны были заняты разными играми (очевидно, танцами. – о. Дорофей). Где-то через полчаса хористы со товарищи,

ходится празднование Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14 сентября по новому стилю / 27 сентября по старому стилю).

Относительно приношений «всем божествам». В данном случае, очевидно, речь идет о «языческих божествах», под именами которых часто скрываются христианские святые. Аналогичные случаи мы имеем и в религиозных представлениях абхазов. Например, «божества» Айтар и Анапра, под которыми скрываются реальные христианские святые – Теодор (Феодор) Тирон и Онуфрий Великий (*Чирикба 2009: 99–101*).

Особо обращают на себя внимание и дни совершения собраний (молений) у крестов в сакральном лесу, т. е. суббота, воскресенье, понедельник или вторник, но никогда среда, четверг и пятница. Этому есть объяснение. По словам Тэбу де Мариньи, в ходе бесед на религиозные темы он изучил названия дней недели у причерноморских адыгов. Так вот, суббота у них называлась «Méfézéakeua», что означало «день уединения», «воскресенье» – «T-haoumaf» («день Всевышнего»), понедельник – «Pleureu» («начало»), вторник – «Goubtkhe» (значение не приводится). Очевидно, что собрания (моления) у крестов в сакральном лесу в субботние и воскресные дни – исключительно наследие христианства. Почему еще в понедельник и вторник – у нас пока нет объяснений. Далее, среда у причерноморских адыгов называлась «Pérezkési», что значит «малый пост», пятница – «Pérezkekouche» («большой пост») и четверг – «Méafeuk» («средний день») (*Three Voyages in the Black Sea 1837: 214; Тэбу де Мариньи 2015: 85*). Соответственно запрет на проведение собраний (молений) у крестов в среду и пятницу также является прямым наследием христианства, и мотивирован он по со-

распевая гимн о «Мерем, покинули лужайку». Человек из сопровождавших Дж. Бэлла по имени Лука, смешавшись с толпой, смог уловить несколько слов гимна: «Твои длинные струящиеся одежды сияют серебром; ты – госпожа Неба и защитница юных дев. О, пошли нам обильные урожаи вместе с миром и счастьем! (*Thy long-flowing robes are resplendent with silver; thou art the mistress of heaven and the chief of the damsels. Oh send us plenteous harvests, peace and happiness!*)». По словам Дж. Белла, таким образом прошли четыре лунные ночи, а соответствующие им дни были посвящены жертвоприношениям, трапезам и раздаче продуктов бедным, точнее «самым бедным», поскольку в действительности в этих местах никто не лишен средств к существованию. Во второй день Лука, сопровождавший Дж. Бэлла, отправился на одно из таких пиршеств в соседнюю долину. Там хозяин дал каждому из собравшихся в большой хижине гостей по маленькому кусочку печени зарезанной им коровы (*a small piece of the liver of a cow he had killed*) и напомнил – каждому в разных выражениях, что «Мерем» ниспошлет благословение на него и членов его семьи (*Bell 1840, vol. 2: 142–143; Бэлл 2007, т. 2: 105–106*). Отмечу, что это пока единственный обнаруженный нами случай, когда причерноморские адыги при совершении религиозного обряда потребляли по маленькому кусочку вареной печени жертвенного животного, как это обычно было принято во время религиозных праздников и молений у абхазов.

вершено понятным причинам – эти дни были постными. Поэтому нельзя было закалывать жертвенных животных, как это было принято во время совершения молений у крестов в сакральном лесу. Почему запрещалось в четверг – и на это у нас пока нет объяснений.

Тэбу де Мариньи отмечает также, что праздничный день у причерноморских адыгов, как и у него на родине, приходится на день седьмой, т. е. на воскресенье. Он обращает внимание, что среда и пятница называются маленьким и большим постами, хотя, по его словам, никакого поста черкесы (его современники. – о. Дорофей) не соблюдают, и эти названия имеют большое сходство с греческим названием пятницы – *ἡ Παρασκευή* (*Three Voyages in the Black Sea 1837: 214–215; Тэбу де Мариньи 2015: 85*).

Добавлю, что вышеприведенные названия среды и пятницы у причерноморских адыгов не просто имеют сходство с греческим названием пятницы (*ἡ Παρασκευή*), а вовсе заимствовано (и это очевидно) из греческого языка.

И, наконец, относительно факта, что шкуру жертвенного животного забирал совершитель моления. Такой поступок мы можем объяснить тем, что во времена, о которых мы ведем речь, шкура животного (натуральная кожа) представляла высокую ценность. Заметим, что в Священном Писании Ветхого Завета мы читаем такое предписание: «Священник, который приносит чью-либо жертву всежжения, может оставить себе шкуру» (Левит 7:8).

«Красота местности, – завершает свое сообщение Тэбу де Мариньи, – царящая в лесу тишина, этот храм, созданный природой, – все это исполнило меня чувством, какого я никогда не испытывал. Всемогущество Создателя, благоговейное и простое почитание, какое оказывает ему этот народ, породили в моей душе множество мыслей, которым я посвятил всю свою прогулку <...>» (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 310; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: 51–52*).

К этим словам я добавлю еще одно очень важное замечание Дж. Бэлла, которого мы уже не раз цитировали. На мой взгляд, оно очень точно характеризует истинный христианский дух религиозных обрядов причерноморских адыгов и абхазов.

«И не имей они (моления. – о. Дорофей), – пишет Дж. Бэлл, – иной пользы (что все-таки я не допускаю, ввиду того, что любая религия мне кажется предпочтительнее отсутствия всякой религии), они по крайней мере позволяли людям устраивать дружеские собрания и раздавать немного животного мяса тем, кто без этих праздников мог отведать такую пищу крайне редко. Кроме всего того, что могут съесть и выпить участники торжественного богослужения (моления. – о. Дорофей), самые бедные уносят домой немалые порции мяса для своих семей в силу того, что раздача бедным в

таких случаях являлась частью религиозных предписаний» (*Bell 1840, vol. 2: 119; Бэлл 2007, т. 2: 88*).

Считаю важным обратить внимание и на то, что вышеназванные авторы, описывавшие религиозные обряды, совершаемые причерноморскими адыгами у крестов, всегда подчеркивали кротость молитв, обращенных к Великому Богу. Такой же подход был (и остается) характерен и для традиционных молений абхазов. Здесь уместно вспомнить слова из Нагорной проповеди Христа: «Когда молитесь, не бубните, как язычники (*μη βατταλογήσητε ὡσπερ οἱ ἔθνηκοί*). Они думают, чем больше слов в молитве, тем вернее их услышит Бог. Не уподобляйтесь им! Ведь ваш Отец (Бог – о. Дорофей) знает, что вам нужно, прежде чем вы Его попросите» (Евангелие по Матфею 6:7–8).

И далее Господь предлагает в качестве образца краткую молитву «Отче наш» (Евангелие по Матфею 6:9–13), содержание которой в несколько иной последовательности и форме повторяется в молитвах, произносимых адыгами и абхазами во время совершения традиционных религиозных обрядов, аналогичных рассмотренным нами выше.

16 июля 1818 г., через два месяца после первого посещения сакрального (священного) леса, Тэбу де Марины вновь отправляется туда, чтобы, как он пишет, «*étonner ses peuples par une cérémonie religieuse*», который он уже давно собирался исполнить.

«У них есть обычай, – продолжает Тэбу де Марины, – согласно которому черкес, торгующий в их стране или возвращающийся с победой из военного похода, или давший зарок (обет), должен сделать приношение кресту. Принесенные дары привязываются к кресту или к дереву, на котором он закреплен (речь идет о том, что крест опирается на дерево, прислонен к нему, как это хорошо видно на втором рисунке Тэбу де Марины, ил. 2. – о. Дорофей). Никто не осмеливается притронуться к дарам, их похищают только враги, вторгшиеся в страну; последние, хотя и придерживаются той же религии, все же не оказывают уважения местным святыням и сжигают все, что находят.

Пиршество (*un festin*), называемое *Txaniuu* (*Tkharchi*), сопровождается обычно церемонией подношения даров, и головы заколотых по данному случаю животных тотчас подвешиваются на ветвях деревьев. Разные дела, связанные с нашим заведением, отвлекали меня все время моего пребывания там и не давали мне возможности придать этому благому делу все великолепие, к которому я стремился. Я удовлетворился тем, что вместе с госпожой Е., частью экипажа, несколькими дворянами и нашими комиссионерами отправился на то место, чтобы привязать к кресту куски ткани (*des étoffes*). Госпожа Е. первая подала пример, и мы последовали за нею. Радость и восторг увидевших это черкесов (они были предупреждены о

цели нашей прогулки) трудно описать. Они крепко пожимали нам руки и уверяли, что они повсюду оповестят о нашем благочестии и оказанном нами уважении к их религии» (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 350–353; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: 75–76*).

Замечу, что Тэбу де Мариньи, снова посетивший долину р. Пшат (Пшада) через несколько лет, а именно в 1823 г., с сожалением констатировал, что кресты и связанные с ними обряды стали постепенно исчезать. Появилась в долине и новая священная роща. Она была устроена после того как местные жители рассорились с жителями другого берега р. Пшат (Пшада), которые как раз владели той самой древней священной рощей, в которой и Тэбу де Мариньи в 1818 г. принес жертву. По его собственному признанию, он был очень удивлен, обнаружив на том самом месте вместо креста нечто подобное виселице, т. е. крест в форме буквы «Т».

«Неопределенность, – продолжает Тэбу де Мариньи, – преобладающая в религиозных воззрениях этих людей, с каждым днем нарастает, и последние следы христианства, которые вскоре исчезнут полностью, освободят поле религии Магомета, которая и без того прогрессирует слишком быстро» (*Three Voyages in the Black Sea 1837: 213–214; Тембу де Мариньи 2015: 84–85*)¹⁹.

Здесь же важно отметить еще одну информацию Тэбу де Мариньи.

В дневнике он описывает небольшие курганы, он называет их «*tumulus*» (речь идет о дольменах)²⁰. Они виднелись в разных местах ущелья в

¹⁹ Дж. Бэлл записал в дневнике, что с появлением русского военного лагеря в устье р. Пшат (Пшада) священный лес был вырублен. «Это не моя страна, – пишет названный автор, – и тем не менее я испытал болезненную тоску <...>, заметив, что священный лес близ берега, где был воздвигнут крест, был полностью вырублен варварами, за исключением двух или трех почтенных по возрасту деревьев, чьи дни тоже могут оказаться сочтены» (*Bell 1840, vol. 1: 155; Бэлл 2007, т. 1: 170*). Народное предание причерноморских адыгов (натухайцев и шапсугов), зафиксированное Н.Ф. Дубровиным (1837–1904), гласит, что «шапсуги, видя, что в Анапе, Кабарде, на степях ногайских, распространяется магометанство, решились и сами принять учение мединского пророка. Они построили мечети и стали молиться на юг, а натухайцы по-прежнему поклонялись кресту и молились на восток. Следуя новому учению, шапсуги, превосходящие численностью натухайцев, напали на них, собрали все кресты и сожгли их. Последние, оскорбленные таким вторжением, в свою очередь ворвались в землю шапсугов, разрушили и разорили все их мечети. Возникло междоусобие, борьба двух религий, длившаяся, по сказанию народа, более двадцати лет. Натухайцы, имеющие преимущество, при заключении перемирия упрекали шапсугов в отступлении от веры отцов. – Вы, – говорили они, – наши братья, изменили закону предков, приняли новый, но мы не можем согласиться, чтобы вы последовали за Магометом, и требуем возвращения к старому закону <...>» (*Дубровин 2002: 101–102*).

²⁰ См. (*Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: 81, прим. 43*).

районе Пшат (или Пшада), и особенно в лесу по соседству со священной рощей, которую он посетил. Эти курганы (дольмены. – о. Дорофей), по словам названного автора, черкесы считали «погребениями, оставленными каким-то великим народом, жившим в этой стране до них (*les tombeaux d'une grande nation qui avait habité leur pays*)». Тэбу де Мариньи даже уговорил своего «комиссионера» господина Тауша произвести раскопки в этих курганах, но разные обстоятельства помешали этому (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 339–341; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: 68–69*).

В журнале записей второго путешествия к берегам Черкесии, которое было осуществлено Тэбу де Мариньи в 1823 г., он дает подробное описание шести дольменов, увиденных им в районе долины р. Пшат (Пшада).

«Черкесы рассказывают, – пишет он далее, – что эти уникальные памятники построены гигантами, чтобы дать защиту от немилосердия непогоды расе маленьких людей, которые тогда населяли их страну и нуждались в силе для постройки домов; их лошадьми были зайцы. Такова мифологическая традиция, но я верю, что эти памятники, которые до сих пор хорошо сохранились, служили гробницами для некоей расы, населявшей Кавказ в очень отдаленный период» (*Three Voyages in the Black Sea 1837: 209–210; Тэбу де Мариньи 2015: 83*).

Я не случайно акцентирую внимание на вышеприведенном сообщении Тэбу де Мариньи. И древние дольмены, выражающие религиозные представления тех, кто их построил, и сакральный лес, где было много святых мест с крестами, у которых совершались различные моления, в данном конкретном случае были сконцентрированы в одном месте – в долине р. Пшат (Пшада).

Существовала ли какая-либо связь между древними погребениями в виде дольменов и сакральными местами в долине р. Пшат (Пшада) или же они не имели между собой ничего общего? Имел ли место синкретизм различных религиозных представлений и обрядов у автохтонных жителей этого района? И если имел, то когда это началось и как происходило? Вот вопросы, поиск ответов на которые должны стать предметом последующих исследований.

Из вышеприведенных слов жителей долины р. Пшат (Пшада) (о том, что дольмены были построены гигантами, жившими до них на этих территориях), по логике вещей должно следовать, что связанный с дольменами религиозный культ и совершавшиеся вплоть до XIX в. моления в священных рощах вполне могут относиться к совершенно разным эпохам и не иметь между собой ничего общего.

По крайней мере, именно таковыми были представления об этом у автохтонных жителей региона в начале XIX в. Иначе почему в рассматриваемое нами время дольмены находились в запустении и причерноморские адыги не совершали перед ними никаких религиозных и иных обрядов?

При этом допускаю, что появление крестов в сакральном лесу в долине р. Пшат (Пшада) и обряды, совершавшиеся перед ними, – результат христианизации этих мест. Этот процесс был начат с VI в., именно тогда среди имен участников Константинопольского Собора 536 г. мы встречаем Дометиана, епископа «народа зикхов» (*Δομετιανὸς ἐλέει Θεοῦ ἐπίσκοπος τοῦ ἔθνους τῶν Ζικχῶν*), т. е. причерноморских адыгов (*Schwartz, ACO 1940, t. 3: 115, 184*). Дометиан – единственный епископ названного Собора, представленный как «епископ народа», а не «города», как это было принято.

Влияние хорошо известной церковным историкам Зихской (Адыгской) Епархии Константинопольской Церкви с центром в Никопсии, которую в разное время возглавляли епископы, архиепископы и митрополиты, на автохтонных жителей современного Краснодарского края РФ, т. е. адыгов, в свое время было колоссальным и очень продолжительным (с VI по XIV вв.)²¹.

Необходимо помнить, что большое влияние на причерноморских адыгов оказали также различные католические миссии. Это влияние началось в XIII в., когда на берегах Черного моря появились фактории средневековых итальянских республик Венеции и Генуи, и продолжалось до XVII в. Вполне вероятно, что отмеченное выше поклонение большим крестам, особое почитание Девы Марии, пресный хлеб, использовавшийся при совершении молений у крестов, отсылает нас к традициям западного христианства²².

²¹ В качестве иллюстрации к сказанному приведу сообщение самого Тэбу де Мариньи о древнем манускрипте с текстом на греческом языке (*un vieux manuscrit grec*), который, по информации, полученной им от господина Тауша, хранился у одного из жителей ущелья Мудров (*Moudrov*). «Я укорил, – пишет Тэбу де Мариньи, – господина Тауша за то, что он не сообщил мне сразу же о таком важном открытии, и обязал его не медлить с приобретением этих предметов. Он объяснил мне, что манускрипт тщательно оберегается владельцем и что будет очень трудно его купить, но можно приобрести его копию» (*Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: 341–342; Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпепе 2002: 69*).

²² В дневниковых записях, сделанных 3 мая 1818 г., Тэбу де Мариньи писал: «Этим днем так же, как и днем ранее, наш флаг развевался на корме, а генуэзский флаг – на бизани. Последний вывешивался каждый день по совету господина Скасси, считавшего, что это пойдет нам на пользу. По его словам, эти люди (причерноморские адыги. – о. Дорофей) любят генуэзцев (они называют их “дженувес”), к которым они расположены, как к братьям, совсем как к французам <...>. Я не знаю чему приписать привязанность черкесов к французам, которых они называют “франци” (но чаще “франки”). Что касается их расположенности к генуэзцам, ею они, несомненно, обязаны сильному влиянию, которое

Особое внимание следует обратить также на то, что празднества в честь Богородицы, согласно вышеприведенным сообщениям, причерноморские адыги совершали в сентябре и ноябре, т. е. в месяцы, когда христиане празднуют Рождество Пресвятой Богородицы и Девы Марии и Ее введение во храм. При этом ничего не сообщается о каких-либо следах празднования Благовещения и Успения Пресвятой Богородицы, которые соответственно приходятся на март и август.

Литература

1.

Бэлл 2007: Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. В двух томах / пер. с англ. К. Мальбахов. Нальчик, 2007.

Ворошилов 2007: Ворошилов В.И. Топонимы Российского Черноморья (история и этнография в географических названиях). Изд. 3-е, исп. Майкоп, 2007.

Гарданов 1974: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., ред. пер., введ. и вступ. ст. к тестам В. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974.

Дубровин 2002: Дубровин Н.Ф. О народах центрального и северо-западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2002. (Кавказский литературно-исторический Олимп, раздел «История». Вып. 11).

Земля адыгов 2004: Земля Адыгов (Адыгэмэ ячыгы) / под ред. А. Шеуджена. Изд. 2-е, перераб. и доп. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004.

Люлье 1857: Люлье Л. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 4. Тифлис, 1857. С. 227–237.

Люлье 1857а: Люлье Л. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми Черкесами (Адиге), Абхазцами (Азеге) и другими смежными с ними // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 4. Тифлис, 1857. С. 193–173.

Люлье 1862: Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 5. Тифлис, 1862. С. 121–137.

эта республика в прошлом имела на Черном море, и колониям, которые, вероятно, организовывались на абазских берегах <...>» (*Three Voyages in the Black Sea 1837: 18–19; Тембу де Мариньи 2015: 13*). В данном случае я цитирую английское издание описаний путешествий Тэбу де Мариньи и его перевод на русский язык, поскольку в оригинальном французском тексте и его переводе на русский язык какая-то невнятность. Кроме того, хотел бы заметить, что причерноморские адыги даже в XIX в., т. е. спустя несколько столетий со времени присутствия генуэзцев на берегах Черного моря, легко узнавали генуэзские флаги на мачтах судов.

Tetбу de Мариньи 2015: Тетбу де Мариньи. Путешествие в Черкесию / пер. с англ. Р.О. Корсаков. СПб.: Невские берега, 2015.

Тэбу де Мариньи, Дюбуа де Монпере 2002: Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. I. Нальчик: Эль-Фа, 2002. (Кавказский литературно-исторический Олимп, раздел «История». Вып. 8).

Хан-Гирей 1978: Хан-Гирей. Записки о Черкесии / вступ. ст. и подгот. текста к печати В. Гарданова и Г. Мамбетова. Нальчик, 1978.

Чирикба 2009: Чирикба В. Абхазские заимствования в мегрельском языке // Абхазоведение. Язык, фольклор, литература. Вып. 3. Сухум, 2009. С. 64–125.

2.

Bell 1840: Bell J. S. Journal of a residence in Circassia. During the years 1837, 1838 and 1839. In two volumes. London, 1840.

Dubois de Montpéreux 1839: Frédéric Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Tome 1. Paris, 1839.

Schwartz, ACO 1940: Acta Conciliorum Oecumenicorum. Ed. E. Schwartz. T. 3. Insunt Acta Synodorum Constantinnopolitanae et Hierosolymitanae. A. 536. Berolini, 1940.

Three Voyages in the Black Sea 1837: Three Voyages in the Black Sea to the Coast of Circassia: including Descriptions of the Ports, and the Importance of Their Trade: with Sketches of the manners, customs, religion, &c. &c., of the Circassians. By the Chev. Taitbout de Marigny, consul of his majesty the King of the Netherlands at Odessa. London, 1837.

Voyage en Circassie 1821: Voyage en Circassie, fait en 1818, par M. Taitbout de Marigny, nommé depuis par Sa Majesté le Roi des Pays-Bas, vice-consul dans la Mer-Noire. Bruxelles: J. Dekeyn, 1821.

Voyage dans d'Astrakhan et du Caucase 1829: Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Histoire primitive des peuples, qui ont habité anciennement ces contrées. Nouveau périple du Pont-Euxin. Par le Comte Jean Potocki. Ouvrages publiés et accompagnés de notes et de tables, par M. Klaproth, membre des Sociétés Asiatiques de Paris, de Londres et de Bombay. Avec 6 planches et 6 cartes. Tome second. Paris, 1829.

Voyages en Circassie 1836: Voyages en Circassie, par le Chevalier Taitbout de Marigny, présentement Consul de S. M. le Roi des Pays-Bas à Odessa. Avec vues, costumes, etc. – A Odessa et a Simpheropol: Librairies de D. Mieville, Editeur, 1836.

Иллюстрации

1. Черкесское жертвоприношение. Гравюра. 1821 г. Из книги: Voyage en Circassie, fait en 1818, par M. Taitbout de Marigny, nommé depuis par Sa Ma-

jesté le Roi des Pays-Bas, vice-consul dans la Mer-Noire. Bruxelles : J. Dekeyn, 1821. – P. 125.

2. Приношение Кресту в сакральном лесу Пшиат (Пшада). 28 июля 1818 г. Гравюра. 1821 г. Из электронного каталога Государственного исторического музея в Москве. <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/5858174?page=437&fund=12&index=21816>

Архимандрит Дарат (Дбар)

АМШЫНЕИҚӘАҒЫҚӘАНТӘИ АДЫГАА ПШАДА АЗИАС АЦШАХӘАҒЫ АЦЪАРҚӘА ИШРЫМЦАНЫХӘОЗ (ТЕБУ ДЕ МАРИНЫИ ИАНЦАМҢАҚӘА РЫЛА)

Аннотация. *АстатиаҒы иазаатғылоуп XIX ашдышықәса актәи азбжазы амшынаҒықәантәи адыгаа (анатухаицәеи ашаҕсыҕцәеи) азиас Пшада ацшахәаҒы имваҕырғоз ичыдоу анцәахайҕаратә қьабз – ацъарқәа рымҕаныхәара. Ари ақьабз аниҕеит Тебу де Мариньы (1793–1852). Астатиа алагамҕаҒы ирыхцәажәоуп XIX ашдышықәса актәи азбжазы зызбахә хәоу автор имшынҕақәа рышьаҕала Амшын еиқәа Черқьестәи (иахьатәи Урыстәыла иахьаҕанакуа Краснодар атәылаҒацә) ацшахәаҒы имваҕигаз иныкәарақәак. Анаҕс иазаатғылоуп француз бызшәала иҕу, анҕлызи аурыси бызшәақәа рахь еиҕагоу, Тебу де Мариньы иныкәарақәа ирызку еиуеиҕишым аҕыжьымҕақәа (мамзарҕыи ажурналқәа) зегьы рыхцәажәара, иара убасҕыи икаҕоуп уртҕ реиҕырҕишатә анализ. Хазы иаагоуп Тебу де Мариньы Черқьестәыла иибаз аазырҕишуа иҕылымҕақәа (игравиурақәа). Убриаан азҕлымхара рызууп хазлацәажәо астатиа атемазы аҕак ду змоу асахьақәа ҕба. Астатиа хадара злоу ахәҕаҒы иазаатғылоуп амшынеиқәаҒықәантәи адыгаа ацъарқәа рымҕаныхәара иазку Тебу де Мариньы имшынҕаҒы иаагоу ианҕамҕақәа иақәнагоу аилыркаагақәеи акомментарикәеи рыцны. Астатиа аналитикатә хәҕа дырбеиоит арака иаагоу XIX ашдышықәсазтәи авторцәа ҕыцья – Л. Лиулье, Д. Белл – амшынеиқәаҒықәантәи адыгаа ацъарқәа рымҕаныхәара иазку ранҕамҕақәа. Айыхәтәаны иазаатғылоуп Тебу де Мариньы азиас Пшада ацшахәа еиуеиҕишым аҕыҕқәа рҕыи иибаз адольменқәа ирызкны икаҕиҕо аххәа.*

Ихадароу ажәақәа: ацъарқәа рымҕаныхәара, Тебу де Мариньы, Черкесиа, Пшада, анатухаицәа, ашаҕсыҕцәа, Л. Лиулье, Д. Белл, Мерисса Мерем, Ацқьа Мариа, азикхцәа, Дометиа, Зихтәи аепархиа, Никопсиа.

Archimandrite Dorotheos (Dbar)

**PRAYERS AT THE CROSSES OF THE BLACK SEA ADYGS IN
THE PSHADA RIVER VALLEY (ACCORDING TO TAITBOUT DE
MARIGNY)**

Annotation. *The article considers a special religious rite of the Black Sea Circassians (Natukhians and Shapsugs) – prayers at the crosses, done in the first quarter of the 19th century in the valley of the Pshada River. Taitbout de Marigny (1793–1852) recorded the rite. Several travels of the author mentioned to the Circassian coast of the Black Sea (the modern coast of the Krasnodar Region of the Russian Federation), undertaken in the first quarter of the 19th century, are described at the beginning of the article based on the diary entries. The following is a discussion of all available editions of the description (or journal) of the travels of Taitbout de Marigny, both in French and translated into English and Russian, as well as their comparative analysis. The drawings (engravings) of Taitbout de Marigny, depicting what he saw in Circassia, are considered separately. At the same time, attention is focused on two drawings that are of particular value for the topic considered in the article. The main part of the article presents all the information from Taitbout de Marigny's diary entries related to the prayers of the Black Sea Adygs at the crosses with appropriate explanations and comments to them. The reports cited (ibid) of two more authors of the 19th century – L. Ya. Lulie and James Bell – about the order of prayers of the Black Sea Adygs at the crosses, allow to enrich the analytical part of the article. In conclusion, Taitbout de Marigny's information about the dolmens recorded by him in different places of the Pshad River valley is considered and about the syncretism of religious ideas and rituals of the autochthonous inhabitants of the above-mentioned area.*

Key words: *prayers at the crosses, Taitbout de Marigny, Circassia, Black Sea, Pshada, Circassians, Natukhians, Shapsugs, Voyages en Circassie, Klaprot, Gardanov, Lulie, James Bell, Liturgy, Merissa, Merem, Virgin Mary, sacred forest, Tkhapshi, dolmens, zikhs, Dometian, Diocese of Zikhs, Nicopsia, Catholic missions, Genoese.*